

О МАССОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ КАЗАХСТАНЦЕВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ ПОСТСОВЕТСКОСТИ К «НОВОМУ КАЗАХСТАНУ»*

¹ А.А. Амребаев, ² Д.Д. Ешпанова

АННОТАЦИЯ

Цель статьи заключается в исследовании массового политического сознания в казахстанском обществе. В работе дано теоретическое обоснование феноменов «политическое сознание» и «массовое политическое сознание», а также проанализированы материалы социологических опросов. В результате выявлены некоторые характерные черты массового политического сознания.

В статье отмечается, что в массовом политическом сознании казахстанцев сочетаются противоположные установки и ориентиры: с одной стороны, поддержка демократии и прав человека, а с другой, политическая пассивность и недоверие к властным институтам, неспособность к гражданской самоорганизации. Реальное политическое поведение граждан характеризуется высокой эмоциональной включенностью и низким уровнем реальной активности. Особенностью массового политического сознания казахстанцев является отчуждение общества от политики и власти. В этом процессе чрезвычайно актуализируются вопросы, как самой трансформации массового политического сознания населения, так и обновления стратегии властей по управлению общественным сознанием на основе определенных идеологических нарративов. Данная проблематика имеет прикладное значение для концептуализации «Нового Казахстана».

Ключевые слова: Политическое сознание, массовое сознание, массовое политическое сознание, политические ценности, политическая культура.

¹⁻² Институт философии, политологии и религиоведения, КН МНВО РК, Алматы, Казахстан

Автор-корреспондент:
А.А. Амребаев
aidar.amrebayev90@gmail.com

Ссылка на данную статью:
Амребаев А.А.,
Ешпанова Д.Д.
О массовом политическом сознании казахстанцев в условиях перехода от постсоветскости к «новому Казахстану» // Адам әлемі. – 2022. – № 3 (93). – С. 72-86.

* Статья подготовлена в рамках научной программы №BR10965263 «Социальная модернизация казахстанского общества: идейно-мировоззренческие основания, концептуальные модели, социокультурные процессы, социально-политические технологии».

Посткеңестіктен «Жаңа Қазақстанға» өту жағдайындағы қазақстандықтардың бұқаралық саяси санасы туралы

Аңдатпа. Мақаланың мақсаты – қазақстандық қоғамдағы бұқаралық саяси сананы зерттеу. Жұмыста «саяси сана» және «бұқаралық саяси сана» құбылыстарының теориялық негіздемесі берілген, сонымен қатар социологиялық сауалнама материалдары талданған. Соның нәтижесінде бұқаралық саяси сананың кейбір өзіне тән белгілері ашылды.

Мақалада қазақстандықтардың бұқаралық саяси санасында қарама-қарсы көзқарастар мен нұсқаулар біріктірілгені атап өтілген: бір жағынан, демократия мен адам құқықтарын

қолдау, екінші жағынан, саяси енжарлық пен мемлекеттік институттарға сенімсіздік, азаматтық өзін-өзі ұйымдастыруға қабілетсіздік. Азаматтардың нақты саяси мінез-құлқы жоғары эмоционалды қатысумен және нақты белсенділіктің төмен деңгейімен сипатталады. Қазақстандықтардың бұқаралық саяси санасының ерекшелігі – қоғамның саясат пен биліктен алшақтауы. Бұл үдерісте халықтың өзінің бұқаралық саяси санасын өзгерту мәселелері де, белгілі бір идеологиялық баяндаулар негізінде билік органдарының қоғамдық сананы басқару стратегиясын жаңарту да өте өзекті болып табылады. Бұл мәселе «Жаңа Қазақстанның» концептуализациясы үшін қолданбалы маңызы бар.

Түйін сөздер: саяси сана, бұқаралық сана, бұқаралық саяси сана, саяси құндылықтар, саяси мәдениет.

About Mass Political Consciousness Kazakhstani in the Conditions of Transition From Post-Soviet to «New Kazakhstan»

Abstract. The purpose of the article is to study the mass political consciousness in Kazakhstani society. The paper provides a theoretical substantiation of the phenomena of “political consciousness” and “mass political consciousness”, as well as analyzes the materials of sociological surveys. As a result, some characteristic features of the mass political consciousness were revealed.

The article notes that in the mass political consciousness of Kazakhstanis, opposite attitudes and guidelines are combined: on the one hand, support for democracy and human rights, and on the other, political passivity and distrust of government institutions, inability to civil self-organization. The real political behavior of citizens is characterized by a high emotional involvement and a low level of real activity. A feature of the mass political consciousness of Kazakhstanis is the alienation of society from politics and power. In this process, the issues of both the transformation of the mass political consciousness of the population itself and the renewal of the strategy of the authorities for managing public consciousness on the basis of certain ideological narratives are extremely relevant. This issue is of applied importance for the conceptualization of the “New Kazakhstan”.

Keywords: Political Consciousness, Mass Consciousness, Mass Political Consciousness, Political Values, Political Culture.

Введение

Некоторые теоретические аспекты изучения массового политического сознания

Изучение массового политического сознания связано, прежде всего, с анализом категории «политическое сознание». При том, что категория политическое сознание занимает одно из центральных мест в политической науке, тем не менее на сегодня отсутствуют единые подходы к концептуализации и операционализации данного понятия. Обычно, в самом общем виде под политическим сознанием понимают восприятие субъектом той части действительности, которая связана с политикой и, в которую он сам включен, а также сопряженные с ней действия [1, 58].

В западной науке категориальный анализ политического сознания не получил

широкого распространения, хотя и рассматривается в контексте тенденций би-хевриорализма и постби-хевриорализма, в большей степени акцентируя внимание на когнитивных аспектах политического через такие категории как: «ментальность», «аттитюды», «установка», «идеология», «политическое убеждение», «вера». Политическое сознание отождествляется с политической культурой, что объясняется особенностями ее проявления на Западе и вышеуказанными традициями исследовательского характера.

По этому поводу К.С. Гаджиев отмечает, что для Запада речь может идти о соотношении политической культуры и «социального сознания» с элементами политического сознания. Под «социальным сознанием», по сути, понимается сознание гражданского общества (или гражданское сознание) [2, 14-25].

Среди западных ученых, занимавшихся проблемами, относимыми к различным аспектам политического сознания, особенно известны Г. Алмонд и С. Верба, положившие начало широким международным исследованиям проблем политической культуры [3]. Интересный исследовательский ракурс связан с работами Рональда Инглхарта [4] и Арнольда Тойнби [5].

В частности, Р. Инглхарт и К. Вельцель ставят вопрос о том, «что же первично — демократическая политическая культура или демократические институты? Степень поддержки людьми ценностей самовыражения тесно связана с развитием демократических институтов. Но что здесь причина, а что следствие? Мы полагаем, что демократические институты относительно слабо воздействуют на ценности самовыражения, распространение которых определяется в первую очередь социально-экономическим развитием. Однако утверждение этих ценностей должно существенным образом влиять на формирование демократических институтов, поскольку они по сути своей связаны с гражданскими и политическими свободами, составляющими основу демократии» [6, 229]. И далее полагают, что «наши выводы могут служить предостережением от наивной убежденности в том, будто «правильный» конституционный строй и приход к власти элит, придерживающихся демократических принципов, — это необходимое и достаточное условие утверждения демократии. Чтобы демократия была эффективна, необходимо нечто большее, чем институциональная структура и настрой элит: она становится результатом действия более масштабных эмансипационных сил, неразрывно связанных с человеческим развитием. Во многих современных трудах по проблемам демократизации игнорируется ее главный лейтмотив — эмансипация человека» [6, 27].

В современной российской политологии, в большинстве случаев, политическое сознание понимается как одна из форм общественного сознания и рассматривается через понятие «отражение», как отражение общественного бытия. Оставаясь в целом на позициях марксистского понимания, ряд исследователей там считают, что сознание как «отражение» нивелирует значение данного феномена [7]. Политическое сознание следует понимать не только как отражение, но и как активное начало, ибо оно объединяет в себе качество объекта и субъекта. Такое понимание позволяет расширить содержание политического сознания как «исторически обусловленного отражения и выражения объективных отношений и процессов, внутренних и внешних факторов функционирования государства и политических институтов.

Политическое сознание детерминировано той стороной экономической структуры общества, (общественное бытие, базис) которая связана с наличием партий, классов, социальных групп, с социально-экономической дифференциацией. При этом, политическое сознание проявляет обратное воздействие на социально-экономические процессы. Оно оказывает более эффективное воздействие на государство, политические решения, политические и экономические реформы, чем другие формы общественного сознания [8, 18-20].

Таким образом, в науке существует множество подходов структурирования политического сознания. Классическим является выделение двух уровней политического сознания: нижнего (политической психологии) и высшего (политической идеологии). Политическая психология, охватывая эмоционально-чувственную и эмоционально-волевые формы отражения, представляет собой совокупность «настроений, привычек, мотивов поведения и типичных характерных черт, а также социально-поли-

тических ориентаций и установок». Для политической идеологии характерны рационально-логические аспекты [1, 62].

З.А. Хубиева выделяет следующие уровни политического сознания: политическая психология и идеология. Политическая психология отражает непосредственно социально-экономическую и политическую жизнь общества, проявляясь в постоянных симпатиях и антипатиях существующих между классами, общественными группами, нациями. На идеологическом уровне познаются коренные интересы социальных групп, классов, причем, групп не непосредственно, а в виде научного взгляда или политических установок властей.

Настроение масс, чаяния и надежды людей, традиции – это объективные феномены, с которыми государство не может не считаться. Разумеется, в политическом сознании определенное место занимают и понятия, выражающие общецивилизационные политические ценности (свобода, демократия, разделение властей, гражданское общество), но, все-таки доминируют те традиции, концепции, которые циркулируют непродолжительное время. Это объясняется тем, что возникновение политического сознания обусловлено расколом общества на социальные группы с противоположными социально-экономическими интересами, а также с появлением полиэтнических государственных образований с довольно непростыми отношениями между населяющих их этносами [8, 19].

А.А. Борисенков отмечает, что в политическом сознании существуют, тесно переплетаясь, такие компоненты: как политическая идеология, идейное сознание, научное знание, обыденное знание. Политическое сознание может формироваться у людей далеких от политической деятельности и, возможно, даже лишенных ожиданий и притязаний по поводу той или иной политики. В данном случае, политическое сознание

есть отражение бытия людей, представленное совокупностью знаний (обыденное политическое знание).

Обыденное политическое знание складывается на основе жизненного опыта и многих наблюдений, на основе информации, полученных из СМИ и неформального общения людей между собой. Обыденное политическое знание не претендует на глубокую обоснованность, на соотнесенность между собой, на согласованность их с другими видами общественных знаний. Это означает, что обыденное политическое знание не носит строго доказательного и систематизированного характера. Сказанное позволяет заключить, что оно обусловлено политическим восприятием с позиции тех или иных социальных идей и стереотипов массового сознания [9, 3].

Из вышесказанного следует, что, в основном, исследования сходятся в следующем: политическое сознание многоуровневое и многослойное явления, но, по большому счету, это можно свести к теоретическому и обыденному уровням. Теоретический уровень содержательно более однороден, так как, вырабатывается сравнительно небольшой группой людей. Обыденное политическое сознание формируется стихийно под влиянием среды. Оно поверхностно и строится по принципу «вокруг субъекта».

Сегодня исследователи все больше говорят о массовом политическом сознании, тем более, что оно связано с общественным мнением. В общественном мнении проявляется отношение различных социальных общностей к тем или иным событиям жизнедеятельности.

В целом, когда речь идет о массовом сознании, надо понимать, что массовое сознание не примитивная часть общественного сознания и не обыденное сознание, а более сложный феномен. Массы людей объединяются для общего, совместного действия, демонстрируя общее отношение к происходящей

ситуации. Феномен массы возникает именно в таких ситуациях.

Феномен массового сознания связан с распространением новейших средств массовой коммуникации и информации, с процессами «массовизации» и «стандартизации» современных обществ массовой культуры, всеобщим избирательным правом, т.е. с массовизацией условий и форм жизнедеятельности обществ [10, 62].

Роль массового сознания особенно проявляется при формировании политики – базовом политическом процессе, демонстрирующем реальное позиционирование общества в отношениях с властью и способностью государства выступать от лица общества. В этом процессе не символично, а вполне реально проявляется ответ государства на запросы общества с точки зрения распределения ресурсов, создания благоприятных условий для людей, налаживания коммуникации между гражданами и органами власти.

Массовое сознание выражает запросы и нужды населения, (включая оценку проводимой политики). Спектр политических последствий учета массовых воззрений широк – от провоцирования популистских решений до разработки стратегий, способных переломить ход общественного развития [11, 187-188]. В данном тексте за основу мы берем следующее определение массового политического сознания:

Массовое политическое сознание – это совокупность идей, взглядов и установок по поводу политической власти и социального управления. Оно определяется как массовое сознание общества по вопросам, имеющим актуальное политическое содержание и чреватые политическими последствиями. В этом смысле, политическое сознание – особый, политизированный сегмент массового сознания.

Многие исследователи сходятся во мнении, что в структуру массового политического сознания входят такие компоненты, как общие ориентации,

ценности и массовые настроения. В конкретном выражении это:

1) Уровень ожиданий людей и оценка ими своих возможностей влиять на политическую систему в целях реализации этих ожиданий;

2) Социально-политические ценности, лежащие в основе идеологического выбора, (например, справедливость, демократия, равенство, стабильность, порядок и т.д.);

1) Быстро меняющиеся мнения и настроения, связанные с оценками текущего положения, правительства, лидеров, конкретных политических акций и т.д. [12, 110], [13].

Охватить массовое сознание во всем его объеме и многообразии невозможно. В данной статье будут выявлены наиболее общие черты, характеризующие политически значимые аспекты массового сознания казахстанцев в постсоветский период. Эмпирической базой данной статьи являются материалы социологических опросов Института философии, политологии и религиоведения МОН РК по следующим проектам: «Диагностика системно обусловленных причин воспроизводства социально-патернализма и иждивенческих настроений» (2014 г.), «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания» (2019), «Исследование культуры и ценностей в контексте устойчивого развития в Казахстане» (2021).

Основные черты массового сознания казахстанцев

Отношение к политике. Ожидалось, что активизация политической жизни в постсоветский период, (в большей части, инициированной государством) в результате приведет к политизации общества. Однако, этого не произошло, но утверждать, что аполитичность современного казахстанского общества носит

тотальный характер, было бы также неправильно. Опрос, проведенный в 2021 году показал, что доля тех казахстанцев, у кого устойчивый интерес к политической жизни страны не превышает 14% (13,9%); интерес к отдельным событиям и политическим фигурам отметила пятая часть участников опроса – 20,1%; безразлично относятся к происходящим политическим событиям в республике 32,2%; недоверчивость, желание отгородиться от политики высказали 20,7%; неприятие, отвращение высказали 7,5% и затруднились с ответом – 5,7%.

Политическое сознание связано с восприятием политики и формированием отношения к ней, с освоением и организацией политической жизни. Оно обуславливает «поведение» больших групп людей.

Насколько политические убеждения осознанные и твердые? Опрос показал, что большая часть респондентов заявили о равнодушии к политике, так как «достаточно своих собственных забот» – 60,3%; пятая часть опрошенных считает, что имеет твердые политические убеждения – 21,8%, при этом 6,1% отметили, что их политические убеждения продуманные, в том числе, и на основе изучения специальной литературы, а 14,9% имеют твердое убеждение, хотя не изучали специальную литературу. Примечательно, что около двадцати процентов (18,6%) затруднились с ответом.

Ответы казахстанцев, касающиеся характера их политической активности, показали, что на участие в политической жизни, через членство в политических партиях и общественно-политических движениях указало 10,3%; абсолютное большинство в такой форме активности не участвует – 89,7%. Ожидаемыми являются ответы на вопрос о политических партиях (общественных движениях), цели и программы, которых разделяют респонденты. Десятая часть респондентов отметили о своей партийной

идентичности (10,1%), более половины (54,3%) считают, что нет такой партии, цель и программа которой отвечала бы их интересам; более трети опрошенных (35,6%) вообще затруднились с ответом.

Политика не является сферой приоритетных интересов казахстанцев и активисты общественно-политических движений не популярны в обществе. Как мы считаем, безразличие к любым политическим действиям, нежелание участвовать в каких-бы то ни было политических партиях и общественных движениях происходят от того, что люди осознают невозможность каким-то образом повлиять на происходящее вокруг.

Результаты нашего исследования показывают следующее: абсолютное большинство участников опроса отметили, что нет возможности влиять, на решение властей – 69,3%; вместе с тем – 14,3% отметили такой канал влияния как представительные органы власти; 6,5% считают, что свое мнение можно выразить через СМИ и затруднились с ответом – 7,5%.

При этом известно, что такая тенденция имеет место быть во всем мире. Политика не вызывает особого интереса у рядовых граждан. По этому поводу Г. Алмонд и С. Верба отмечают, что в западных странах многие граждане могут быть активными, но другие играют более пассивную роль. Люди не всегда постоянно участвуют в политических процессах и редко активны в политических группах, но они считают, что в случае необходимости могут мобилизовать свое социальное окружение в политических целях. Если элиты принимают политические решения, то различные группы и индивиды оказывают на них политическое влияние. Гражданин в политике «потенциально» активен, но он знает о возможности своего влияния, а элиты с этим считаются и учитывают это при принятии решений.

В нашей действительности реальное политическое участие населения харак-

теризуется дихотомией между высоким уровнем эмоциональной включенности и низким уровнем реальной активности социальных групп. Так, например, последние выборы в Парламент показали низкую электоральную активность. Люди недовольны действиями властей и, при этом, не хотят участвовать в такой политике.

Политические ценности. Одно из значимых мест в структуре политического сознания занимают политические ценности – представление об идеальных моделях поведения и идеальных конечных целях. Ценности – это оценка идеального объекта в терминах «хорошо» / «плохо», представление о том, что желательно и необходимо. Политика доходит до жизненных оснований личности тогда, когда есть активное отношение к ней, выражающееся в целенаправленных действиях, тогда, когда она становится ценностью.

Политические ценности можно определить как предпочтительное признание субъектом политики (социальными группами, личностями) значимости тех или иных явлений, процессов и норм политической жизни, закрепленных их социально-политическим опытом.

Основными политическими ценностями, характеризующими массовое сознание казахстанцев являются отношение к демократии и к ее основным базовым элементам. Демократическая модель общественно-политического устройства предполагает обеспечение широких прав и свобод граждан, высокого уровня социальной защиты. Результаты социологического опроса свидетельствуют, что у большинства казахстанцев понимание демократии мало чем отличается от общепринятых в мире. Для казахстанцев важны такие права и свободы, как свобода слова, свобода предпринимательства, свобода передвижения, право участия в политической деятельности. Рейтинг важности соблюдения социально-политических

прав и свобод выглядит следующим образом: неприкосновенность собственности, личности, жилища – 93,8%; право каждого гражданина на достойный уровень жизни – 91,5%; равенство всех граждан перед законом – 91,1%; социальная защищенность – 90,2%; общественный порядок и стабильность – 89,0%; право использовать родной язык, соблюдать национальные традиции – 87,8%; свобода мысли, слова, печати – 85,9%; право на хозяйственную и экономическую самостоятельность – 85,7%; на свободу передвижения – 81,9%; право на участие в политической жизни – 73,4%.

Казахстанцы понимают демократию как соблюдение основных гражданских свобод, высказывать свое мнение, равенство граждан перед законом, общественный порядок и стабильность, экономическое процветание, право на участие в политической жизни. Вместе с тем, для наших граждан демократия ассоциируется прежде всего с социальными и экономическими правами, с социальной справедливостью, часто понимаемой как уравнивательность. Показателен выбор респондентов, когда их спрашивали о том, какие права, соблюдение которых они считают важным лично для себя. В духе патернализма, большинство респондентов ставят на первое место социальную защищенность со стороны государства, право на достойный уровень жизни, что касается выбора политических прав, то их показатели гораздо ниже. В данном контексте казахстанское общество остро реагирует на существующие проблемы в реализации принципов социальной справедливости.

Как показали результаты наших исследований, для казахстанцев ценность справедливости очень значима, при этом, она понимается и как равенство перед законом. Абсолютное большинство опрошенных казахстанцев считает, что в основе процесса консолидации общества должны лежать, прежде всего,

следующие факторы: социальная справедливость (94%), равноправие перед законом (94%), независимость (85%).

Вместе с тем такие ценности, как богатство и социальный успех оцениваются неоднозначно. Более половины опрошенных отрицают наличие в настоящее время равных стартовых условий, но и «оптимистов» достаточно много – 29%. Подавляющее большинство (80,16%) считают, что выходцы из обеспеченных семей имеют лучшие возможности для достижения успеха. Вместе с тем, значительна доля тех, кто считает, что люди из малообеспеченных слоев общества отчужденны от имеющих «социальных лифтов» (58,56%). Шансы молодых на социальный успех оцениваются высоко, около 70% респондентов считают, что им (молодым) легче интегрироваться в новое общество, чем людям старшего поколения. Аналогичные тенденции обнаружались в исследованиях казахстанского социолога Салтанат Ермахановой, которая пишет: «Несколько обнадёживают ответы экспертов на вопрос: «В какой мере жизненный успех современного жителя Казахстана определяется его личными усилиями, качествами и способностями, а в какой – внешними условиями и обстоятельствами, не зависящими от него?». Ответы на данный вопрос можно интерпретировать как оценку степени свободы человека и меру либерализации общества. Около половины (44%) ответило, что жизненный успех современного казахстанца, в равной мере, определяется как его личными качествами и усилиями, так и внешними условиями и обстоятельствами; практически, каждый пятый эксперт (22%) полагает, что в большей мере определяется его личными качествами и усилиями, нежели внешними условиями и обстоятельствами; 5% опрошенных экспертов считают, что жизненный успех целиком определяется личными качествами и усилиями, такое же количество экспертов считает,

что он в большей мере определяется внешними условиями и обстоятельствами, нежели его личными качествами и усилиями. Доля же тех, кто уверен, что жизненный успех целиком зависит от внешних условий и обстоятельств, составила лишь 16%» [14, 117].

В результате неоднозначных трансформационных процессов за последние десятилетия, в политическом сознании общества прочно укоренилась ценность порядка. Безусловно, порядок как тотальный контроль и вмешательство в личную жизнь человека в советское время не мог не вызвать положительного отношения. С другой стороны, следует отметить, что государством были гарантированы и широкие социальные обязательства в отношении граждан страны. Однако, последствия внедрения рыночных реформ и, особенно, процесса приватизации привели к тому, что в массовом сознании негативные результаты преобразований связывались с отсутствием государственного порядка, снижением управляемости социальными процессами и в целом эффективности деятельности государственных институтов. В последующем, в 2000-е годы, в связи со стабилизацией социально-экономической ситуации и, возможно, с ослаблением коммунистической идеологии, запрос общества на порядок и стабильность оставался, хотя был уже не таким острым. Появился технократический запрос на эффективность властных институтов. При этом, ценность порядка сохраняется на всем протяжении постсоветского периода.

В нашем исследовании респондентам задавался вопрос относительно выбора социально-политической системы, которая отвечала бы интересам большинства казахстанцев. Были получены следующие результаты: социалистическое государство советского типа – 24,7%; исламское государство – 11,3%; демократия западного типа (США, ЕС) – 13,9%; любая система, лишь бы она обеспечи-

вала порядок – 41,7%. Неоправдавшиеся надежды на то, что рыночные реформы приведут к изобилию благ, сменились осторожными ожиданиями «лишь бы не было хуже» и запросом на стабильность. Однако, ориентация на стабильность не означает согласие на застой, скорее, есть опасения дестабилизации ситуации как в соседнем Кыргызстане. Преодоление социалистического авторитаризма пока не связывается с установлением нового порядка, основанного на политической конкуренции и демократическом политическом режиме. «Рыночные эксперименты» периода первоначального накопления капитала связываются с анархией и беззаконием, вседозволенностью, часто ассоциирующейся с процессом либерализации и демократизации. Что характерно, что и у действующей политической элиты имеется в сознании неприязненное отношение к демократии, как продукту Запада, посягающего как на авторитет сформировавшейся в постсоветский период авторитарной власти, так и на национальные ценности и интересы. С этим может быть связана деактуализация политической модернизации в Казахстане на протяжении первых тридцати лет суверенного развития.

Доверие к социальным институтам. В основе любого взаимодействия как на уровне межличностного человеческого, так и на уровне социальных институтов лежит доверие. Большинство социальных взаимодействий люди оценивают с позиции доверия / недоверия. Поэтому обеспечение устойчивых общественных отношений, а также осуществление масштабных структурных изменений невозможно без наличия (или отсутствия) доверия.

Проблемы, связанные с доверием, актуализируются в периоды кардинальных социально-экономических и политических изменений. Вместе с тем, и в относительно стабильных обществах доверие востребовано, так как, на него

возлагается ожидание при прогнозировании социального развития и сохранение его стабильности.

Интересна точка зрения, высказанная американским социологом А.Селигменом, считающим, что власть, господство и насилие могут на какое-то время решить проблему социального порядка, но они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания порядка в долговременной перспективе. Общество базируется на взаимодействии и принуждении, а значит и на господствующих представлениях о границах того или иного действия и мере доверия в обществе [15].

Степень доверия населения к действующим в обществе формальным институтам может рассматриваться как обобщенная характеристика эффективности и качества институциональной среды. Исследования казахстанских ученых говорят о том, что наибольшим доверием в структуре государственных органов власти пользуются, прежде всего, Президент, и затем, Правительство и Парламент. Последние данные опроса показывают следующее: Президенту доверяют 37,0%; не доверяют – 23,1%; отчасти доверяют, отчасти нет – 34,6%; Правительству доверяют – 28,4%; не доверяют – 31,9%; отчасти доверяют отчасти нет – 36,7%; Парламенту доверяют – 25,7%; не доверяют – 33,5%; отчасти доверяют, отчасти нет – 37,1%; Маслихату доверяют – 24,7%; не доверяют – 34,2%; отчасти доверяют, отчасти нет – 36,7%; Акимату доверяют – 26,9%; не доверяют – 33,0%; отчасти доверяют, отчасти нет – 37,1%.

Более высокое доверие к Президенту свидетельствует о значимости этого института в глазах населения и о том, что проходящие политические реформы в стране воспринимаются позитивно, с определенной надеждой. Однако, при очень высокой значимости государства для казахстанцев, наши граждане не

идеализируют, а, напротив, относятся к нему весьма критично. Государство не выполняет тех своих функций, которые обязано было выполнять – ни с точки зрения отстаивания стратегических интересов общества, ни с точки зрения заботы о текущих интересах граждан, ни даже с позиций соблюдения законности.

В отношении граждан Казахстана к таким структурам, как работодатели, профсоюзы, предприниматели, отразились противоречия становления гражданского общества. Как свидетельствуют социологические опросы, казахстанцы, в той или иной степени, не доверяют крупным частным компаниям, международным неправительственным организациям, банкам, казахстанским НПО, крупным квазигосударственным компаниям, профсоюзам. Отсутствие широкой поддержки со стороны казахстанцев институтам гражданского общества, которые должны способствовать развитию демократических ценностей, формированию гражданской и политической культуры, по мнению ученых, позволяет утверждать, что казахстанцам более близки ценности сильной власти и порядка [16].

Многие исследования зафиксировали высокий уровень межличностного доверия, при этом, степень доверия зависит от частоты общения. Так, например, высокий уровень доверия высказали молодые респонденты членам своей семьи, родственникам и друзьям. Вместе с тем, исследователи отмечают снижение уровня общественного доверия. Для большинства граждан семья является главной точкой опоры в жизни. Жизненные ориентиры казахстанцев, в большей мере, сконцентрированы вокруг семьи и семейных ценностей, а общее доверие в обществе снижается.

Преобладание семейно-родственных отношений в достижении социального успеха означает доминирование неформальных отношений. Все это происходит на фоне недоверия к государ-

ственным институтам, гражданскому обществу. Доверие такого типа ориентирует казахстанцев, в большей степени, на обретение полезных знакомств, чем на взаимодействие с формальными институтами. Такая ситуация препятствует процессам интеграции и выстраиванию транспарентных социальных лифтов. Вместе с тем, как показывают многие исследования, большая часть казахстанцев не приемлет неформальные связи в достижении социального успеха и хотят рассчитывать, прежде всего, на себя. Так, например, наши исследования показали, что влиятельные связи, по мнению большинства молодых казахстанцев, не является условием успеха жизни и даже являются тормозом общественного развития. В решении своих личных проблем, в основной своей массе, молодежь предпочитает рассчитывать на себя, именно так ответили 83,8% молодых респондентов. В заметно меньшей степени молодежь рассчитывает на помощь родственников и друзей – 45,1% и 26,5%; и лишь не многие рассчитывают на поддержку государственных органов, как республиканского, так и местного уровней: 2,4% и 2,2%. Не пользуются доверием у молодежи также и структуры гражданского общества (политические партии, профсоюзы) [17, 108]. Очевиден факт несоответствия в молодежном сознании двух моментов: декларирование независимости, свободы, самостоятельности в достижении жизненного успеха и реального поведения. Свобода выбора часто оказывается весьма условной. Выбор жизненных сценариев, моделей поведения, во многом, определяется социально-культурным пространством, которое предлагает данное общество.

Нельзя поведение наших граждан, которые не рассчитывают на помощь публичной власти, характеризовать как негативное. Совершенно верно, что представление о том, что человек в реализации жизненных целей обязан са-

мому себе, и оно весьма эффективно в достижении индивидуальных целей. В контексте же социальной интеграции, не чувствуя себя защищенным государством, человек не идентифицирован в тем вкладом, который он мог бы внести в функционирование публичных институтов и, в целом, во взаимоотношение с ними, в ином случае, государство оказывается на периферии интересов людей.

Стратегии поведения. Общество, не спаянное нравственными узами, чревато жестким деспотичным режимом или анархическим безвластием. Осознанная неразрывная связь людей, их ответственность друг перед другом характерны только для солидарного общества. Использование конституционных прав в отстаивании своих интересов – важнейший механизм восстановления диалога между властью и обществом. Самостоятельные и активные действия людей по защите своих прав не противоречат закону и гарантированы Конституцией. Опрос, проведенный в 2021 году показал, что казахстанцы пока не готовы к солидарным действиям по защите своих прав. Респондентам предлагалось отметить те ситуации, при которых они приняли бы участие в акциях протеста. Доминантная часть опрошенных отметила, что никогда не примет участия в протестных акциях (45,8%); более четверти приняли бы участие, в случаях повышения цен на продукты питания и товары первой необходимости (26,0%); в случае резкого ограничения прав и свобод приняли бы участие (22,6%); в случае значительного повышения цен на коммунальные услуги – (8,7%); если будут ущемляться законные права моей национальности – (14,7%); если будут ущемляться законные права моих единомышленников – (5,3%); если будут репрессии по отношению к партиям и движениям – (3,6%).

При каких условиях казахстанцы приняли бы участие в акциях протеста? Большинство (60,1%) не примут участие

ни при каких обстоятельствах; около пятой части приняли бы участие вместе с родственниками, друзьями (18,9%); если будет организована активистами моей национальности (6,2%); если акция протеста будет организована партией, общественным движением, которую я поддерживаю – (4,5%). Итак, опрос показал, что большая часть респондентов не намерены участвовать в акциях протеста, но если и примут участие, то, чтобы выразить, в первую очередь, недовольство социальными мерами; совместные действия возможны, если будут участвовать родственники и друзья.

Большинство казахстанцев недовольны заработной платой, ростом цен на продукты питания и коммунальные услуги, а также многими другими ситуациями общественного дискомфорта. Вместе с тем, сохраняются полное бездействие и пассивность даже тогда, когда речь идет об отстаивании насущных нужд и интересов. Конечно, такую пассивность можно объяснить неверием в успешность, боязнью неблагоприятных последствий, традиционной пассивностью и аполитичностью, но надо отметить и отсутствие культуры совместных действий. В целом же, такая ситуация говорит о слабости институтов гражданского общества. Организованные способы выражения недовольства в казахстанском обществе крайне редки, но есть практика стихийных действий: перекрывать дороги, ходить в акиматы и совсем вопиющие случаи – устраивать перестрелку с трагическим концом.

Массовое политическое сознание «Нового Казахстана»: проблемы конструирования

Социально-экономическая напряженность и высокий уровень социального неравенства в казахстанском обществе детерминирует консервативно-авторитарные представления в массовом по-

литическом сознании. Для казахстанцев характерен акцент на социально-экономической составляющей оценки справедливости, стабильности, порядка. Такая особенность массового политического сознания, как мы считаем, обусловлена не только традициями ценностного сознания советского прошлого, но и, главным образом, антиномиями социальных процессов современного Казахстана. Суть главного противоречия заключается между поверхностной модернизацией и глубинным архетипом сознания. Модернизационные процессы в экономике, политике, социальной сфере оцениваются в соответствии с традиционной системой критериев, таким образом, наблюдается несоответствие традиционных ожиданий и черт сознания общества и новой моделью жизнеустройства в «Новом Казахстане». Историзм доминирующего политического дискурса играет весьма противоречивую роль, нуждающуюся в реинтерпретации. Согласно традиционной картине мира в казахском сознании, прошлое представляется синонимом истинности и образчиком справедливости и сложившегося порядка, тогда как новое представляется олицетворением неизвестности, опасности и риска. Обращенное, таким образом, в прошлое политическое сознание формирует консервативную модель поведения, сопоставляющую должное (т.е. необходимо сущее или то, как было в благополучном прошлом), которое часто ассоциируют с советской моделью социальной справедливости или более древними временами, связанными с деяниями знаменитых ханов, биев и батыров казахского ханства, позднее, с заветами Абая и его последователей, деятельностью лидеров «Алаш-Орды». Для современной постназарбаевской политической элиты характерен ориентир на «ролеву модель» Кунаева, как человека исключительной скромности, аскетизма и служения своему народу. Вместе с тем

следует отметить, что «Новый Казахстан» как социально справедливое общество, имеет две коннотации: первая связана с дистрибутивной, распределительной функцией государства и в массовом политическом сознании проецируется на принцип социального равенства в отношении произведенных общественных благ. В определенной степени, он отвечает социалистическим представлениям об обладании благами в соответствии с заслугами («от каждого по способностям, каждому по труду»). Другим императивом социальной справедливости является адекватное исполнение своей социальной миссии. Например, ожидание от государственного чиновника эффективного выполнения общественного долга. Отсюда актуальность концепта «слышащего государства», предложенного Президентом Токаевым, в котором отражается обратная связь лиц принимающих решения с обществом, которое тем или иным образом реагирует на действия политической элиты.

Предполагается, что взаимосвязь этих двух принципов, с одной стороны, справедливого распределения общественных благ, а с другой, должное исполнение каждым своей социальной миссии, является важными характеристиками особенностями «Нового Казахстана».

Характеризуя сегодняшнюю ситуацию, можно сказать, что в массовом политическом сознании сочетаются противоположные установки и ориентации. На уровне абстракции, когда речь идет о демократии и гражданском обществе вообще, многие граждане выражают позитивное отношение к этим институтам, поскольку они позволяют проявить социальную энергию и активность масс, но при этом уровень практического доверия к ним и участия в них чрезвычайно низок в силу авторитарности самих механизмов диалога и самих институциональных основ организации общества, сложившейся социальной иерархии. В

отношении к государственным органам преобладает глубокое психологическое и политическое отчуждение, связанное с патерналистским характером отношения власти к обществу.

Опрос показал, что интерес к политике у наших граждан поверхностен. Большинство респондентов не готовы активно участвовать в политике, объясняя это тем, что «все равно ничего не изменится» или, ссылаясь на нехватку времени, неизменностью и закрытостью «социальных лифтов». Столь же высока доля тех, кто не готов участвовать в массовых протестах, что означает, что общество против «безрассудного, беспощадного бунта», осознавая его опасность для социального благополучия и комфорта. Лишь незначительная часть общества готова участвовать в акциях протеста с экономическими и социальными требованиями и, в еще меньшей степени, с политическими, поскольку в нынешней ситуации это чревато определенными санкциями, а в исторической памяти людей, и с репрессиями со стороны государственного силового аппарата. Практика показывает, что в Казахстане еще не сложились традиции конвенционально выражать протест, нет культуры совместных конструктивных действий, но есть опыт нелегитимного протеста и неправомочных действий силовиков, например, это явственно показали январские события 2022 года. Реальное политическое поведение казахстанцев можно охарактеризовать как высокую эмоциональную анонимную включенность, например, в социальных сетях, и низкий уровень реальной конструктивной общественной активности.

Отчуждение от политики и от власти остается характерной чертой массового политического сознания казахстанцев, что существенным образом ограничивает кумулятивный конструктивный потенциал идеи созидания «Нового Казахстана». Полагаем, что его концептуальное

оформление и высвобождение социальной энергии народа вместе с транспарентной и открытой к диалогу системой бескорыстного государственного служения чиновников, может стать основой формирования нового массового политического сознания, соответствующего формату «Нового Казахстана».

Заключение

Изучение тенденций развития массового политического сознания имеет непреходящее значение в плане понимания сути политического процесса в целом, его отражение в сознании его участников, мотивов поведения и целевых установок. С точки зрения перспективного политического проектирования, идеологического обеспечения тех или иных управленческих решений, знание и понимание механизмов формирования массового политического сознания представляется важным инструментом адекватного выстраивания политики государства. В этой связи, массовое политическое сознание представляется одним из основных системных элементов политической культуры общества.

Список литературы

- 1 Д.С. Мартьянов. Политическое сознание, бессознательное и политическая психика: ревизия подходов к структуре и определению. – Вестник СПбГУ Сер 6. 2015. Вып. 3.
- 2 К.С. Гаджиев. Политическое сознание или политическая культура? – Кентавр, 1991.
- 3 Г. Алмонд, С. Верба. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. – Мысль, 2014. – 500 с.
- 4 Р. Инглхарт. Модернизация, культурные изменения и демократия. – М.: Новое издательство, 2011.
- 5 А. Тойнби. Цивилизация перед судом истории. – М., АСТ, 2011. – 320 с.
- 6 Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

7. Р.М. Нугаев. Социальное бессознательное в структуре общественной идеологии. – Российский университет, 2008. – 208 с.

8 З.А. Хубиева. Политическое сознание как подсистема духовной жизни общества. – Вестник Вятского государственного университета, 2016.

9 А.А. Борисенков. О политическом сознании // Философская мысль. – 2013. – №4.

10 А.Б. Вебер. Массы и власть: массовое сознание и политическая система России. Вестник Института социологии. №1(12), март 2015.

11 А.И. Соловьев. Массовое сознание и государственная политика: точки пересечения и проблемы взаимодействия. – Политическая наука, 2017, №1.

12 М.В. Добрынина, Н.И. Лазаренко. Особенности формирования массового политического сознания в современном России. – Экономические и социально-гуманитарные исследования. – №2(2) 2014.

13 В.Ю. Леднева. Эволюция массового политического сознания в условиях трансформации российского общества (социологический анализ). – М., 2004.

14 С.А. Ермаханова. Феномен модернизации и его отражение в сознании субэлитарных групп: социокультурный аспект. Под ред. Л.В. Корель. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009.

15 А. Селигмен. Проблема доверия. – М.: Идея Пресс, 2002. – 200 с.

16 Ценности казахстанского общества в социологическом измерении. – Алматы: Издательство «ТОО «DELUXE Printery», 2019. – 140 с.

17 Д. Ешпанова, У. Смаилова. Жизненные ориентиры и точка опоры казахстанской молодежи. – Аль-Фараби. – 2020. – 3(71).

Transliteration

1 D.S. Mart'janov. Politicheskoe soznanie, bessoznatel'noe i politicheskaja psihika: revizija podhodov k strukture i opredeleniju [Political Consciousness, the Unconscious and the Political Psyche: a Revision of Approaches to Structure and Definition]. – Vestnik SpbGU Ser 6. 2015. Vyp. 3.

2 K.S. Gadzhiev. Politicheskoe soznanie ili politicheskaja kul'tura? [Political Consciousness or Political Culture?] – Kentavr, 1991.

3 G. Almond, S. Verba. Grazhdanskaja kul'tura. Politicheskie ustanovki i demokratija

v pjati stranah [Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Countries]. – Mysl', 2014. – 500 s.

4 R. Inghart. Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija [Modernization, Cultural Change and Democracy]. – M.: Novoe izdatel'stva, 2011.

5 A. Tojnbi. Civilizacija pered sudom istorii [Civilization Before the Court of History]. – M., AST, 2011. – 320 s.

6 Inghart R., Vel'cel' K. Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvittija [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. – 464 s.

7. R.M. Nugaev. Social'noe bessoznatel'noe v strukture obshhestvennoj ideologii [Social Unconscious in the Structure of Social Ideology]. – Rossijskij universitet, 2008. – 208 s.

8 Z.A. Hubieva. Politicheskoe soznanie kak podsistema duhovnoj zhizni obshhestva [Political Consciousness as a Subsystem of the Spiritual Life of Society]. – Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016.

9 A.A. Borisenkov. O politicheskom soznanii [About Political Consciousness]. // Filosofskaja mysl'. – 2013. – №4.

10 A.B. Veber. Massy i vlast': massovoe soznanie i politicheskaja sistema Rossii [Masses and Power: Mass Consciousness and the Political System of Russia]. Vestnik Instituta sociologija. №1(12), март 2015.

11 A.I. Solov'ev. Massovoe soznanie i gosudarstvennaja politika: tochki peresechenija i problemy vzaimodejstvija [Mass Consciousness and State Policy: Points of Intersection and Problems of Interaction]. – Politicheskaja nauka, 2017, №1.

12 M.V. Dobrynina, N.I. Lazarenko. Osobennosti formirovanija massovogo politicheskogo soznaniya v sovremennom Rossii [Features of the Formation of Mass Political Consciousness in Modern Russia]. – Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. – №2(2) 2014.

13 V.Ju. Ledneva. Jevoljucija massovogo politicheskogo soznaniya v uslovijah transformacii rossijskogo obshhestva (sociologicheskij analiz) [The Evolution of Mass Political Consciousness in the Context of the Transformation of Russian Society (Sociological Analysis)]. – M., 2004.

14 S.A. Ermahanova. Fenomen modernizacii i ego otrazhenie v soznanii subjelitarnyh grupp: sociokul'turnyj aspekt [The Phenomenon of Modernization and Its Reflection in the Consciousness of Subelite Groups: A Sociocultural Aspect]. Pod red. L.V. Korel'. – Novosibirsk: IJeOPP SO RAN, 2009.

15 A. Seligmen. Problema doverija [Trust Issue]. – M.: Ideja Press, 2002. – 200 s.

16 Cennosti kazahstanskogo obshhestva v sociologicheskom izmerenii [Values of Kazakhstani Society in the Sociological Dimension]. – Almaty: Izdatel'stvo «TOO «DELUXE Printery», 2019. – 140 s.

17 D. Eshpanova, U. Smailova. Zhiznennye orientiry i tochka opory kazahstanskoj molodezhi [Life Guidelines and Fulcrum of Kazakhstani Youth]. – Al'-Farabi. – 2020. – 3(71).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<i>Айдар Молдашевич Амребаев</i>	кандидат философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алматы, Казахстан
<i>Дина Далабаевна Ешпанова</i>	кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алматы, Казахстан
<i>Айдар Молдашұлы Әмребаев</i>	философия ғылымдарының кандидаты, бас ғылыми қызметкер, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан
<i>Дина Далабайқызы Ешпанова</i>	философия ғылымдарының кандидаты, доцент, жетекші ғылыми қызметкері, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан
<i>Aidar Amrebaev</i>	Candidate of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies CS MSHE RK, Almaty, Kazakhstan
<i>Dina Eshpanova</i>	Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies CS MSHE RK, Almaty, Kazakhstan